# ОТЗЫВ

**официального оппонента, доктора философских наук, доцента, профессора кафедры теоретической и социальной философии ФГБОУ ВО «Саратовский национальный исследовательский государственный университет имени Н.Г. Чернышевского» Тихоновой Софьи Владимировны на диссертационное исследование Зарапина Олега Викторовича «Диалог как формат философской текстовой культуры», представленное на соискание ученой степени доктора философских наук по специальности 5.7.8 – Философская антропология, философия культуры**

Эпоха цифры радикализирует значимость вопросов как о гуманистической сущности культуры, так и о том, какие структуры и механизмы лежат в основе ее воспроизводства. Цифровое общество, цифровая культура и цифровая философия как начало цифровой истории не просто открывают новый «стадиальный» период на ленте социального прогресса, они обнажают каркас смыслопроизводства, в доцифровую эпоху мимикрировавший под культурное содержание, в котором одни смыслы были фоном других, а к смыслогенезу приводил их контакт в человеческом сознании. Этот обманчивый синкретизм медиа и месседжа разрушается там, где обнаруживается повседневная, массивная массовая работа цифровых технологий по производству и трансляции культуры, пригодная для отражения процессов, которые в предшествовавшие времена были неподвластны объективации, будучи укорененными в устной речи, или уходили в забвение из-за несовершенства технологии сохранения культурных следов. Наиболее значимыми среди них являются те, которые связаны с формированием философской практики как диалога особого рода, посвященного смысложизненному вопрошанию. Философские тексты в этом случае перестают трактоваться как листы бумаги, знаки на которых документируют чью-то мысленную речь, и обретают статус взаимного, совместного способа создания культуры. Структурация когерентности человеческой коммуникации, взаимопереход диалога в монолог, их функциональная роль в творении культуры надежно выявляется тогда, когда есть возможность сравнения того, как они организованы в различных коммуникационных условиях. Такой оппоненту рецензируемой диссертации представляется значимость для проблемного поля философии культуры философского текста как особого формата философской культуры.

Актуальность темы О.В. Зарапина детерминирована потребностью в развитии философии диалога в условиях цифровой культуры, обеспечиваемом инновационным методологическим проектом, позволяющим показывать действие, актантность, агентность философии, возможность которых открывается на стыке философской культуры и философского дискурса. Новый подход позволяет зафиксировать действенный потенциал философии, продуктивность которой задается процессом переходов между диалогом и монологом, актуализирующими, переводящими из потенциального в реальное интеллигибельное взаимодействие, в котором удерживается и созерцание, и воздействие, и пассивность, и активность, и апперцепция, и убеждение как такты философской рефлексии, в результате которой

и происходит умоперемена (метанойя). Изменение формата культуры, понимаемого как прагматика диалога, в условиях, когда вопрошающий и проводящий Сократ становится цифровым, связано с замещением человеческой коммуникации коммуникацией человеко-машинной на уровне дискурсивного ядра культуры. В этих условиях актуальность философского исследования роли оппозиции диалог-монолог в европейской текстовой, попытки обнаружения его фундаментального нарратива, обосновывающего диалог как главный способ человеческого бытия, а также выяснения современных тектонических сдвигов в этом нарративе не вызывает сомнений. Таким образом, обращение О.В. Зарапина к осмыслению философского диалога с позиций его соотнесенности с текстом как способом производства культуры представляется чрезвычайно важным и несет в себе значительный вклад в область философии культуры.

Достоверность основных положений и выводов диссертации определяется обращением О.В. Зарапина к изучению большого объема научных источников (479 наименований), посвященных философии коммуникации, философии диалога и философского текста как инструмента создания культуры. Проведенное им философское исследование отличается высокой степенью эмпирической и теоретической обоснованности основных тезисов представленной им диссертационной работы.

Научная новизна исследования выявляется в основных выводах диссертации. В работе прослеживается установка на новый коммуникативный подход в философии культуры, предназначенный для изучения философской текстовой культуры. Он раскрывается в категориальном ряду «текстовая деятельность», «воздействие как текстовая деятельность», «созерцание как способ текстовой деятельности», «приемы текстовой деятельности», «философская текстовая культура», «текстовое поведение», «трансформация дискурса», «нарратив философской текстовой культуры», «формат текста» (с. 18), позволяющем осуществить предметное наполнение исследований культуры. Оппозиция диалогового и монологового форматов философского текста трактуется как детерминированная тремя параметрами – обозначение авторской позиции в тексте, отношение адресанта к адресату и отношение текста к социальной реальности, каждый из которых контролируется конкретным методом. Сама культура, порожденная этим взаимодействием, рассматривается как взаимодействие двух коммуникативно-текстовых планов, фиксируемыми в значении ядра и оболочки.

Обосновав методологическую релевантность системно организованной комбинации подходов, автор интерпретирует философский текст как топос дискурсивной деятельности, осуществляемой во взаимосвязи коммуникативных процессов создания, трансляции и воспроизводства текстовых продуктов и имеющей значение способа бытия человека в культуре. Особое внимание уделено обоснованию идеи философской текстологии в качестве междисциплинарной области исследований процессов коммуникации. Автор рассматривает дискурсивную деятельность как способ бытия человека в культуре при условии наличия текстовых средств, что позволяет установить особенности диалоговой деятельности, реализуемой в процессах человеко-машинной коммуникации.

Практическая значимость диссертации состоит в том, что ее обобщения имеют серьезное научно-практическое значение при обсуждении проблем, связанных с философской рефлексией культурогенеза и природы современной

культуры. Результаты исследования могут найти применение в рамках преподавания философских и культурологических дисциплин.

Содержание диссертации. Работа О.В. Зарапина состоит из введения, двух разделов, каждый из которых включает четыре главы, выводов к каждому разделу, заключения и списка литературы. Она изложена на 375 страницах.

Цели и задачи изложены четко, их логическая связь определила композиционные особенности структуры работы.

Первый раздел посвящен базовой для методологического подхода диссертанта категории «философской текстовой культуры», конструируемой в идейной плоскости философии диалога. Языковой поворот XX века важен диссертанту как парадигмальная стратегия развития философской мысли, в реализации которой востребованы междисциплинарный подход и широкий философский кругозор (С. 26-27). Показывая, что философия диалога, хотя и не дошедшая до доктринальной фазы развития, тем не менее, обладающая определенным сюжетным единством, может претендовать на ревизионистскую миссию в отношении базовых картезианских установок модерна, диссертант трактует ее как новый как опыт переосмысления сущности философии, отказывающийся от линейных субъект-объектных схем в пользу интерсубъективности жизненного мира (С. 28). Сближая философию диалога и экзистенциализм, что, в принципе, не противоречит актуальной историко-философской традиции, диссертант фокусируется на смене стиля философского праксиса, в котором философия диалога больше не интересуется стратегиями дистанцирования от мира, но, напротив, выходит на встречу с Другим, который может (не) быть признан как равный по сущности. Диалог становится и инструментом, и критерием такого признания. Диссертант использует этот сюжетный мотив для анализа диалогических концепций М. Бубера, М. Бахтина, Э. Левинаса, О. Розенштока-Хюси, таким образом очерчивая смысловое поле, в котором объемы понятий диалог и культура могут совпасть. Если диалог – это культура, побуждающая к ответу, то монолог есть речь, сосредоточенная или на своем предмете, или на позиции говорящего (С. 33). Так диссертант вводит свою базовую для интерпретации человеческого мира оппозицию диалога и монолога, соотнося первый со стихией устной речи и «естественной» коммуникацией, а второй – с письменной профессиональной коммуникацией. Тем не менее, оба они рассматриваются не как автономные пространства, а как позиции, которые субъект может занимать произвольно. Такая трактовка позволяет автору рассматривать речевую жизнь индивида как комбинаторику, движение переходов между диалогом и монологом, позволяющую ему выходить из внутренности мира и превращать сам этот мир в содержание своего сознания (С. 38).

Эти переходы как способ речевой жизни человека диссертант сближает с бахтинским «произведением» и библеровской «диалогикой» культуры, сердцевиной которых и оказывает культура философская, обеспечивающая самосозидание культуры, формирование виртуального мысленного пространства, в котором происходит метафизическая встреча умов, не зависящая от реальных социальных пространства и времени и проходящая сквозь историю. Это пространство конструируется через специфический письменный профессиональный текст, текст философский (С. 45). Культура, позволяющая создавать такой «виртуальный» мир и есть философская текстовая культура, то есть культура создания философского текста, в котором позиционная перемена обеспечивает умоперемену (метанойю) (С.

46). Генезис этой культуры диссертант ожидаемо начинает с фигуры Сократа, анализируя платоновские тексты, позволяющие провести демаркацию между устной речью и письменным текстом философа как «следами», конструктами активизирующего воздействия и созерцания (С. 48).

Диссертант довольно глубоко погружается в реконструирование специфики устной и письменной философской речи для того, чтобы показать, что социальные практики их использования распределялись между «включением» и дистанцированием. Если первое реализуется на территории агоры (С. 55), где философ стремится побудить личность слушателей его речи к интеллектуально-нравственной трансформации через дейктические речеперемены, которую автор и обозначает с помощью понятия «метанойя», то второе разворачивается через фиксацию рефлексивной деятельности, в которой именно письменный философский текст позволяет его автору занять собственную дискурсивную позицию (С. 68), дистанцировавшись от мира, чтобы изложить свою «историю», понимаемую в древнем значении. Поскольку в последней опыт изложения сведений не менее важен, чем опыт их накопления (С. 73), в дискрсивном пространстве становится возможной актуализация прошлого для рассказчика, определяющего через рассказываемое прошлое себя. Так диссертант получает возможность связать акт написания философского текста с опытом человеческого самоопределения и отождествить их (С. 82). Философ, пишущий свой текст, дистанцируется от мира, получая возможность его созерцать, а созерцая его порядок, он приравнивается к очевидцу его первотворения, и тем самым достигает умоперемены-метанойи (С. 84).

Осуществив демаркацию устной речи философа-наставника и философского текста автора-созерцателя, диссертант приступает к аналитике соотношения их позиций, фактически разделяя по ним всю историю философии, противопоставляя ионийскую и италийскую традиции (С. 87). На этой основе диссертант определяет диалог и монолог как форматы дискурсивных практик (С. 91), используя для этого концепцию дискурсивных формаций М. Фуко, но переориентируя ее от бессубъектной модели в модель субъектоцентрическую, в которой от авторской интенции зависит согласованность между способом деятельности, приемом, целью, адресацией (С. 92).

Текстовую деятельность созерцания диссертант подразделяет на способ свидетельство о личности и способ свидетельство о мире (С. 93), конкретизируя первое через обращение к философским жанрам доксографии, биографии, автобиографии, дневника, заочной критики, а второе через философские традиции мироописания, в которых мир описывается либо от лица вмешивающегося в творение вместе с демиургом включенного свидетеля (Платон), либо от лица абсолютного наблюдателя (Аристотель) (С. 117). Платоновскую и аристотелевскую линии созерцания диссертант реконструирует в рефлексивной традиции через фигуры Декарта, Канта, Шеллинга, Гегеля, выводя соответствующие модели рефлексии (С.120) и одновременно показывая движение от философии к науке. Рассматривая диалог через сократическую модель, автор концентрируется на согласовании двух параметров – цели деятельности и адресации (С. 137), гармония которых и приведет к философскому общению.

Показав, что субъект выполняет функцию интервента, провоцирующего в речи процесс изменения речи, диссертант выделяет три значения умоперемены в диалогах Платона – остановку, искупление, поворот, в каждом из которых он видит инструмент, обеспечивающий реализацию стремления воздействовать речью на

речь, т.е. механизм текстопорождения и метафизической встречи умов (С. 140). Этот механизм противоположен созерцающей работе монолога (С. 141) и направлен на три цели – пропедевтическую, теоретическую, практическую (143). Их достижение возможно через три соответствующих формы диалогового поведения, все вместе они и составляют содержание сократической модели диалога (С. 144). Пропедевтическая форма приобщает к философии (С. 144), теоретическая наставляет философа в созерцании (С.151) через предупреждение или посвящение. практическая – включает философа в содружество, в этом ракурсе диссертант отождествляет философскую речь и способ совместного человеческого бытия (С. 160) рассматривает социальную и космическую проекцию дружбы (С. 164) через которые раскрывается то усилие, которое необходимо для того, чтобы философ смог наделить собственную душу философским складом (С. 167). Условием такого диалога является равенство (С. 168) в греческой традиции, под которым понимается безусловное приятие собеседника таким, каков он есть, в готовности измениться самому, чтобы соответствовать ему, и равенство и уместность в латинской традиции как приятие собеседника при условии его соответствия качествам, считываемым с определенного образца (С. 173). Первое диссертант соотносит с открытой, а второе – с закрытой изотимией. В качестве их культурных репрезентаций он определяет гетерию (С. 177), светский салон (С. 180), философский кружок (С. 183), публичную философскую беседу (С. 186) для закрытой изотимийи, и обучение, консалтинг, личностное развитие (С. 188) для открытой.

Второй раздел строится вокруг центральной идеи о том, что переходы диалогического и монологического форматов в философской текстовой культуре не просто возможны, они телеологичны, поскольку являются основой управляемой трансформации дискурса (С. 203). Сама трансформация дискурса трактуется диссертантом в антифукианском ключе через отождествление преобразования дискурса и функции его полноты (С. 204). Для диссертанта трансформация дискурса не предполагает дискретности, а сводится к отношениям ядра и оболочки дискурса через транзитную зону (С. 207), позволяющим философу осуществить такую последовательность дискурсивной деятельности, как воздействие – созерцание – действие. В транзитной зоне и формируется нарратив, отражающий происходящую трансформацию. Диссертант выделяет три базовых нарратива – античный нарратив совершенствования, средневековый нарратив преображения и нововременной нарратив подлинности (С. 208).

Первый нарратив отражает путь пайдейи, который включает последовательность восхищение – подражание – добродетель (С. 212), истоки идеи совершенствования восходят к традициям агона. В совершенствовании божественное превозносится над человеческим (С. 222), оно обозначается как эпифеномен интеллектуального созерцания, требующего превосходства над другими (С. 228), и требует превосходства над собой как самообладания (С. 232).

Нарратив преображения диссертант связывает с христианской традицией, связывающей человека и имена и утверждающей значимость герменевтических практик (С. 239), поскольку человек и окружающий его мир поражены недугом, диагностируемом в языке как разобщение между именем и сущностью именуемого (С. 243). В этом нарративе диссертант рассматривает метанойю в негативном значении противодействия, обращаясь к творчеству С. Булгакова (С. 243); вскрывает речевой механизм перехода от созерцания к действию (С. 252); устанавливает, как булгаковский диалог изменяет речевую настройку читателя (С. 255). Позитивное

значение метанойи как сотрудничества диссертант раскрывает с помощью обращения к наследию П. Флоренского (С. 260), в котором он устанавливает обоснование созерцательной компоненты трансформации дискурса через фундаментальную антиномию в устройстве языка (С. 261). На этом материале метанойя трактуется как цель диалога, благодаря которому человек рождается в языке (С. 265), а ее инструментом становится обращение к другу (С. 268), обеспечивающее соучастие и перевод внешнего плана во внутренний (С. 281).

Переход к нарративу подлинности диссертант связывает с дискурсивным переходом от позиции действия к позиции созерцания, в ходе которого изменяется созерцание, поэтому в центре его внимания оказывается ситуацией аутодиалога, в ней выражена позиция субъекта, воздействующего на самого себя (С. 282). Начинается его анализ с обращения к самоадресации, материалом которого диссертант выбирает ницшеанскую идею ресентимента (С. 284), где осуществляется самопрезентация философа через представление публике аристократии духа. Режим самоадресации продолжает философский палимпсест Ж. Деррида (С. 294) и интенция развития культуры Р. Рорти (С. 299). В итоге диссертант приходит к выводу о том, что самоадресация есть элемент текстовой деятельности, обеспечивающий валидность требования воспроизводства деятельности, выступающая нормативной основой философской текстовой культуры.

И, наконец, диссертант обращается к анализу влияния человеко-машинной коммуникации на философскую текстовую культуру (С. 307). Предлагая взаимодействие человека и машины как новый формат самосовершенствования, диссертант обращается к лейбницовской модели преобразования речи в исчисление (С. 308). Реализуемый Лейбницем вычислительный подход задает новую дискурсивную структуру культурного пространства (С. 315), в котором диалог теряет значение формы межличностного взаимодействия и оказывается конструктивным решением, определяющим архитектуру интерфейса (С. 317). Переходя к рассмотрению диалога в архитектуре интерфейса (С. 317). По мнению диссертанта, машина из инструмента в руках профессионально подготовленного оператора превращается в квази-самостоятельную сущность, а обмен данными – в подобие коммуникативного взаимодействия (С. 319), и на его основе пытается отследить воздействие машины на человека, приводящее к метанойе (С. 327). В этом контексте для него значимы эвристика, которая в человеко-машинной коммуникации отнесена диссертантом к машине, а не к человеку (С. 328), а само превосходство машины над человеком имеет три формы – подчинение, слияние, сотрудничество (С. 341).

Диссертация выполнена на хорошем стилистическом уровне. Теоретические построения автора обоснованы эмпирически. О большом объеме проделанной автором работы свидетельствует и весьма обширная библиография. Выводы лаконичны, логичны и самостоятельны. Отдельного упоминания заслуживает высокая историко-философская эрудированность автора, глубина анализа платоновских текстов которого производит впечатление. При этом совершенно не страдает магистральное направление работы (философия культуры), логика которой полностью отвечает паспорту специальности 5.7.8 по направлениям исследований 45, 46, 48, 69.

Вместе с тем, работа вызывает ряд замечаний.

1. Общее увлечение автора апофатическими конструкциями приводит к тому, что первое положение, выносимое на защиту, содержит негативное суждение,

что недопустимо в данной рубрике диссертации, предназначенной для изложения утверждаемых соискателем тезисов.

2. Выбранная диссертантом установка на отождествление диалога и устной речи, а монолога – с текстовой коммуникацией (С.26, 34) никак не соотносится с принятым в теории коммуникации подходом, согласно которому устное слово и текст – это формы коммуникации, а диалог и монолог – формы дискурса, который может быть устным или письменным и представляет собой когерентность коммуникативных ходов, отождествляемых с простым высказыванием.

3. При анализе философской текстовой культуры диссертант игнорирует постмодернистскую концепцию интертекстуальности, которая, как минимум, проблематизирует выбранное им отождествление диалога и речи, монолога и текста.

4. Авторский стиль временами создает ненужные проблемы восприятия текста. Например, на с. 177 автор сначала вводит понятие открытой изотимийи, затем закрытой, но вот последующее подробное рассмотрение их культурных репрезентаций он почему-то начинает со второго понятия. В итоге логика изложения пробуксовывает в петлях ненужной рекурсии. Иногда автор забывает про окончания сложный согласований категориального ряда, пренебрегая правилами русского языка, иногда вводит их намеренно («способ свидетельство о личности» и «способ свидетельство о мире» – нужен либо дефис, либо родительный падеж), не особенно озадачиваясь экономией читательского терпения и внимания. Автор откровенно злоупотребляет полужирным и курсивом, рассыпая акценты настолько щедро, что сосредоточиться на них можно только за рамками предусмотренного нормативами экспертизы времени, хотя формируемая авторам концепция вполне укладывается в классические лаконичные и линейные формы. В квалификационном тексте неоправданное и избыточное усложнение логики изложения производит впечатление дефицита навыков по работе с разветвленной структурой, даже если по существу оно является продуктом философской зрелости. Кроме того, почти гегельянская любовь автора к триадичности в композиции внутренних разделов приходит в очевидный конфликт с выбранной им же самим четной структурой (два раздела по четыре главы).

5. В целом, временами увлеченность диссертанта построением собственной систематической проработанной системы подходит к той грани, за которой неизбежен конфликт философствования и научного исследования, цели и формы которых далеко не всегда совпадают, а научные степени в нашей стране присуждаются только за последнее. В этом контексте изобилие вводимых диссертантом собственных понятий, их непрерывная детализация, приводящая к тому, что их внятное определение появляется к концу изложения, и, как итог, его невнимание к общефилософскому категориальному аппарату, сложно отнести к достоинствам работы.

6. Без внимания автора, детально рассматривающего философские формы диалога, осталась академическая философия как особое направление философствования.

7. Вытекает из предыдущего. Поскольку автор не рассматривает современную академическую философию, то при анализе цифровой культуры он сосредоточен на работе цифровых приложений и технологиях искусственного интеллекта, тогда как цифровые технологии очевидным образом изменили культурный ландшафт академической философии, современные направлений

которой возникают сразу в цифровой среде. Например, академический трансгуманизм начинался с «площадки встречи умов», которым выступала групповая рассылка электронной почты, а спекулятивный реализм начинался и развивался философами-блогерами, активно использующими жанры комментария, практикующими переработку текста после читательских откликов и сетевые дискуссии. Обращение к материалу такого рода сделало бы эмпирическую основу диссертации однородной, и, вероятно, позволило бы автору прийти в последней главе к иным выводам.

Сформулированные замечания не отменяют общую положительную оценку работы и являются приглашением к дискуссии. Автореферат соответствует основным положениям диссертации и содержит их обоснование. Степень обоснованности научных положений, выводов, сформулированных в диссертации, является достаточной, что подтверждается тем, что результаты диссертации нашли отражение в 44 печатных работах ее автора, включая 1 монографию, разделов в 5 коллективных монографиях, 16 статей, опубликованных в периодических изданиях, включенных в Перечень ВАК РФ для опубликования результатов научных исследований.

Заключение. Диссертация Зарапина Олега Викторовича «Диалог как формат философской текстовой культуры», является самостоятельным, законченным, квалификационным исследованием, в котором решается актуальная научная задача. Ее выводы обладают теоретическим и практическим значением.

Все изложенное позволяет заключить, что диссертация Зарапина Олега Викторовича «Диалог как формат философской текстовой культуры» соответствует требованиям пп. 9-11, 13, 14 «Положения о присуждении ученых степеней» (утверждено Постановлением Правительства Российской Федерации от 24.09.2013 г. № 842), а ее автор заслуживает присуждения искомой степени доктора философских наук по специальности 5.7.8 – Философская антропология, философия культуры».

Официальный оппонент:
доктор философских наук (09.00.11 – Социальная философия),
доцент, профессор кафедры теоретической и социальной философии
ФГБОУ ВО «СГУ имени Н.Г. Чернышевского»

Софья Владимировна Тихонова

Федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение высшего образования «Саратовский национальный исследовательский государственный университет имени Н.Г. Чернышевского»
Почтовый адрес: 410012, г. Саратов, ул. Астраханская, 83
Контактный телефон: +7 (8452) 21-36-10
E-mail: segedasv@yandex.ru

Подпись С.В. Тихоновой удостоверяю
Ученый секретарь
доцент В.В. Федусенко
«20» 02 2024 г.